

РИСКИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ: ЛЕКСИЧЕСКИ ОПУСТОШЕННАЯ ЧАСТИЦА *КАК БЫ* И ЕЕ ФУНКЦИИ В РЕЧЕВОЙ СФЕРЕ¹

И. А. Нагорный,

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры филологии, НИУ «БелГУ»

Современный период развития языковой системы характеризуется многими положительными факторами, обусловленными различными параметрами глобализации сфер деятельности человека. Однако существуют и так называемые зоны риска как отражение отрицательных коммуникативных факторов, к которым необходимо отнести процесс семантической опустошенности слов.

В коммуникативной сфере, преимущественно молодежной, проявляется процесс трансформационного развития значения частицы *как бы*. В функционально-прагматическом аспекте данная частица представляет собой интересный образец изначально наделенного в языке богатыми семантическими потенциями элемента, с которым в последние два десятилетия произошли серьезные смысловые и функциональные трансформации.

Нивелирование первичного модального значения данного служебного слова, активизация новых функциональных характеристик, и, наконец, разделение активного грамматико-лексического потенциала частицы *как бы* получили свое развитие в том, что к настоящему времени мы имеем фактически омонимичные языково-речевые эквиваленты – грамматически служебную, «полновесную» частицу *как бы* с присущей ей субъективно-модальной семантикой и ее семантически опустошенный звуковой эквивалент *как бы* с нивелированным сравнительно-предположительным и актуализированным выделительным значением. Если модальная частица *как бы* – это стабильный элемент языковой системы с четко выраженной грамматической и коммуникативно-прагматической статусной составляющей, то ее семантически опустошенный эквивалент – это совершенно новый по историческим меркам, сугубо речевой элемент, в различных речевых контекстах градуируемый как полностью или частично семантически трансформированный: *Я вчера как бы иду по улице, вижу его, а он ко мне не подходит* (Интернет); *В этом планшете как бы четыре гигабайта оперативной памяти. Это немало. И процессор четырехядерный* (Интернет). Будучи исконно служебной, частица *как бы* вплоть до конца 90-х годов прошлого столетия применялась коммуникантами сугубо для квалификации автором высказываемого в сравнительно-предположительном аспекте. При этом модальная составляющая в семантике частицы превалировала над всеми другими прагматическими составляющими.

Предположение – это универсальная мыслительная операция, базирующаяся на комплексе логико-семиотических, семантических, коммуникационных и прагматических аспектов понятийной характеристики предложения как языковой формы выражения мысли и высказывания как реализации предложения в речи [1; 2; 3]. Данные операции оказываются, с одной стороны, характерными для человека вообще, вне зависимости от принадлежности последнего к тому или иному культурному или историческому этносу. С другой стороны, универсальность указанных операций интегрируется со специфичностью средств их выражения в национальных языках, в том числе и в русском, в котором выработаны оригинальные языковые и внеязыковые формы, средства и способы выражения предположения. Языковые и внеязыковые факторы систематизируются в национальной языковой картине мира и представляют собой упорядоченную сферу с четко проявленной ядро-периферийной организацией.

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00196.

Предположение оформляется на языково-речевом уровне как модальная квалификация события, «точка зрения» говорящего, личностное мнение субъекта: предполагая о чем-либо, сомневаясь в чем-либо, говорящий субъективно квалифицирует событие. Данная квалификация всегда осуществляется с позиции «здесь» и «сейчас» как констатация недостоверности сообщаемого, вводит в предложение/речевое высказывание оценочную характеристику события, накладывая ее на пропозитивное содержание языковой конструкции.

План содержания предположения как кваликативного смысла в своей основе универсален для национальных языковых картин мира. План выражения указанных ментальных операций в различных языках, как правило, оригинален. Проблема адекватности передачи, восприятия и сохранения информации в процессе коммуникации заставляет учитывать это.

В русском языке, наряду с лексически однозначными словами (*предположение, предполагать, предположительный* и т.п.), модальными словами (*может быть, наверное, кажется* и др.), конструктивным типом (например, вопросительное предложение), интонационными факторами, средствами выражения ментальной операции предположения являются модальные частицы (*чай, авось, небось, никак, поди, что ли, едва ли, вряд ли, будто, точно, словно, вроде, ровно, разве, неужели* и под.). К числу последних относится и частица *как бы*, которая включается в группу языковых средств, предназначенных для выражения комплекса речевых, прагматически обусловленных модализованных смыслов, несущих важную для говорящего и адресата коммуникативную информацию.

Частица *как бы* включается в группу сравнительно-предположительных модальных квалификаторов. Наиболее характерная для нее семантическая функция – репрезентация авторского сравнительно-характеризующего предположения о событии или факте действительности: *Он все еще держал руку согнутой и морицлся. Врач, натолкнувшись на него, даже как бы растерялся – он думал, что нервный пациент ушел, а он тут* (В. Шукшин); *Он как бы подкрадывался, тихонько оглядываясь по сторонам* (газет. текст); *Мы оба с ней как бы дематериализовались друг для друга* (Г. Семенов); *Он как бы какую-то неумолимой отчетливостью увидел вдали железный мост, над которым струился горячий воздух* (А. Ким).

С помощью частицы *как бы* говорящим переосмысливается факт осуществления связей между событиями, который приобретает в этом случае признаки потенциально осуществимого или предполагаемого: *Это был вроде как бы пароль* (А. Казанцев); *Цивилизации Древнего Египта, шумеров (Месопотамия) и ольмексов возникли как бы внезапно, словно получили какой-то неожиданный культурный импульс от неизвестной нам цивилизации Древнего мира* (газет. текст); *К Сухово-Кобылину... как бы вдруг начали прислушиваться* (газет. текст). Операция сравнительного предположения производится субъектом и распространяется на квалификацию объективных связей, отношений как возможных или вероятных.

Заметим, что семантически «полноценная» частица *как бы* способна продуктивно актуализировать и собственно предположительные смыслы в высказывании: *Показалось, что он как бы возмужал за год* (Ю. Олеша); *Частеречное и категориально-грамматическое противопоставление слов в таких классификациях как бы перестает быть значимым* (Л. Васильев). На парадигматическом уровне это зафиксировано как включение предложения в парадигму по субъективно-модальному признаку достоверности/недостоверности сообщаемого, отражающее соотнесение выражаемого предложением суждения с логическими категориями возможности и вероятности: *А то как бы в такую ночь не подъехал кто да не нагреб зерна* (журн. текст). Общепредположительное же значение частицы *как бы* может локализоваться в какой-либо конкретизирующий смысл. Например, нередким оказывается репрезентируемый частицей в высказывании кваликативный модальный смысл опасения: *Как бы он еще сильнее не простудился!* (К. Чуковский).

Функционируя в речи, модальная частица *как бы* может нивелировать свою исходную семантическую составляющую. В этом случае она представляет собой элемент, с которым в результате действия процесса десемантизации за последние два десятилетия произошли серьезные смысловые и функциональные трансформации: Трансформация значения, а соответственно, и утрата активного смыслового лексико-грамматического потенциала получили свое развитие в том, что в настоящее время грамматически полноценная частица *как бы* с характерной для нее модальной сравнительно-предположительной семантикой и семантически опустошенный эквивалент *как бы* с нивелированным или же существенно трансформированным значением разошлись друг с другом и семантически, и грамматически, и коммуникативно-прагматически. Если грамматически полноценная частица *как бы* – это стабильный служебный элемент языка с четко выраженной грамматической служебной и прагматической статусной составляющими, то являющаяся предметом рассмотрения семантически опустошенная частица *как бы* – речевое новообразование, в разных коммуникативных контекстах градуируемое как полностью или частично десемантизированный элемент.

Закономерный интерес к подобного рода элементам обусловлен ярким противоречием между структурно-модельным и семантико-прагматическим статусами слова. Трансформация семантики частицы *как бы* обнаруживает диссонанс между понятийным, модельным и семантико-прагматическим функциональными параметрами компонента в языке и речи. Модальная частица *как бы* – это грамматически нормированный, функционально стабильный элемент языка [4; 5]. При десемантизации в речи функции частицы *как бы* значительно сужаются вплоть до полного нивелирования базовой семантической составляющей и появления омонимичного звукового комплекса с оригинальными и только ему присущими коммуникативно-прагматическими свойствами. Актуализация этой проблемы позволяет предположить, что подобные рассматриваемому новообразования в русском языке являются общностью функционально-прагматической.

В плане вышесказанного отметим, что у семантически опустошенной частицы *как бы*, с одной стороны, нивелирована значительная часть первоначального не только системно-грамматического (обслуживающего), но и функционально-прагматического модального потенциала: снижена либо сведена к нулю степень квалификативно-информативного воздействия на адресата-коммуниканта, уменьшен либо отсутствует аспект донесения до адресата базового субъективно-модального смысла сравнительного предположения. Модальная семантика исходной частицы *как бы* остается, таким образом, не актуализированной у десемантизированного эквивалента.

С другой стороны, семантически опустошенная частица *как бы* приобретает возможность выполнять в речевом высказывании и – шире – в процессе коммуникации ряд новых прагматических функций.

Во-первых, отметим функцию развития говорящим при помощи *как бы* смыслов выделения, акцентуализации авторского «я» (Ср.: *Я же сказал, я как бы приду сюда завтра в восемь часов; Ты как бы не расслабляйся; Я как бы не считаю, что к ней стоит прислушиваться*). Говорящий в данном случае использует семантически опустошенную частицу *как бы* для акцентуализации собственного мнения и в то же время донесения оценочного модусного смысла некатегоричности до адресата.

С данной функцией тесно связана другая функция частицы *как бы* – ограничительно-сочетаемостная. При выполнении данной функции семантически опустошенная частица *как бы* приобретает возможность прикрепляться к или предикату, или к компоненту высказывания, который говорящий желает выделить в смысловом аспекте, при этом семантически данный компонент актуализируется за счет нивелирования исходной семантики самой частицы: *Ты как бы помолчи, если написать в ответ нечего* (Интернет); *Да как бы не к нему Сергей приходил* (Интернет). Модальная частица *как бы* в этом случае проявляет себя по-иному: репрезентируемые ею субъективно-модальные смыслы, хотя и являются оказывают корректирующее воздействие на семантическое поле

взаимодействующего с частицей компонента, однако осмысляются как прагматически ценные для говорящего и коммуникативного процесса в целом, поскольку направлены на квалификацию события и донесение данной квалификативной характеристики до адресата.

Третья весьма показательная функция *как бы* – это употребление семантически опустошенной частицы только в сфере активного диалога, в ситуации рассказа о произошедших или текущих событиях, к которым говорящий или имел прямое отношение (например, ситуация личного участия), или имеет эвиденциальное представление о данных событиях, проявляет заинтересованность в донесении, с его точки зрения, оценочной информации об указанных событиях до адресата.

Отдельно стоит отметить функцию скрепа, характерную для семантически опустошенной частицы *как бы* в сфере устной речевой коммуникации. Выступая в роли скрепа, рассматриваемая частица теряет полностью свою модальную семантическую составляющую и десемантизируется. В этом случае при помощи введения в высказывание семантически опустошенной частицы *как бы* говорящий может заполнять паузы, выравнивая таким образом речевые лакуны при раздумье.

И наконец, в некоторых случаях намеренное введение в речь семантически опустошенного компонента *как бы* может явиться результатом желания говорящего причислить себя к избранной сфере, например, к сфере бомонда или гламура. Необходимо, однако, отметить, что к настоящему времени уже частично утеряна составляющая «избранности» в семантико-прагматической сфере опустошенного слова *как бы*, а сама частица получает, как и в вышеописанном случае, функциональную нагрузку скрепа, употребляясь в качестве элемента паузных связей, в некоторых случаях оказываясь на уровне речевых слов-паразитов. Данное, несомненно интересное, явление должно стать, как нам представляется, предметом специальных исследований в лингвистике.

Отметим еще один важный момент. Частицы вообще, и предположительные частицы в частности, – это востребованный в речевом процессе класс слов. По частотности употребления частицы весьма продуктивны в обыденном языке общения. Русская разговорная речь насыщена ими. Весомая прагматическая составляющая в значении частиц позволяет служебному слову выполнять в речевом диалоге доминирующую коммуникативно-прагматическую функцию – доносить до адресата прагматически важные смыслы. В плане вышесказанного у семантически опустошенной *как бы* нивелирована значительная часть функционально-прагматического потенциала модальной частицы: фактически не проявляет себя функция воздействия на адресата, сведен к нулю аспект донесения автором до адресата коммуникативно облигаторных смыслов, которые интенцируются говорящим следующим образом: «я хочу, чтобы ты (адресат) знал о том, что я предполагаю, сравниваю, сомневаюсь, колеблюсь, снимаю с себя ответственность за истинность своего высказывания». В противовес этому частица-омоним – семантически опустошенная *как бы* – приобретает возможность выполнять функцию скрепа в речевом потоке.

Выступая в функции скрепа, частица *как бы*, как уже говорилось, теряет предположительную и сравнительную составляющие своего значения: *Да ведь я как бы в магазин собралась; Мы же как бы в гости идем; Это как бы очень важный договор.* Частица *как бы* уже не может быть включена в группу знаков, основная функция которых заключается в обозначении особого, модального типа отношений. С другой стороны, семантически опустошенная частица остается, как и ее полновесный эквивалент, фиксатором точки зрения квалифицирующего субъекта. Таким образом, семантическая опустошенность частицы *как бы* не является препятствием ее функционирования в речевой сфере, в том числе и как знака коммуникативно сориентированного. Семантически опустошенная частица *как бы*, как и семантически полноценная модальная частица, в этом случае может быть охарактеризована как знак, при помощи которого говорящий осуществляет «привязку» своего высказывания к коммуникативной ситуации в координатах «я – здесь – сейчас». В данном случае – в факте «проявления» личности говорящего – семантически полноценный и

семантически опустошенные элементы *как бы* обладают схожими коммуникативно-репрезентативными характеристиками. Повторим, однако, что это лишь частность. Абсолютное же большинство дифференцирующих характеристик служит поводом для разведения рассматриваемых элементов в функционально-грамматическом, семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах. В этом плане крайняя степень семантической опустошенности частицы *как бы* представлена тогда, когда она выполняет речевую функцию заполнения пауз. В том случае, если данная функция превалирует над всеми остальными, частица функционально уподобляется слоговым паузам и является словесным мусором. В иных случаях целесообразно вести речь лишь о частичной смысловой опустошенности частицы *как бы*, имея при этом в виду то, что функция замещения смыслового потенциала проявляет себя порой очень ярко в речевом коммуникативном акте.

Подведем итог сказанному. На наш взгляд, затронутая в статье проблема является актуальной в своем историческом развитии и современном состоянии, так как актуализирует одну из граней языковой прагматики в аспекте изучения степеней семантической опустошенности языковых элементов. Последнее открывает перед исследователем достаточно обширные перспективы описания функций языковых элементов в речевой сфере.

Исследование коммуникативно-прагматических характеристик семантически опустошенной частицы *как бы* подводит к выводу о том, что данный речевой элемент может функционировать в речи и как полноценный языковой компонент – фиксатор точки зрения квалифицирующего события субъекта, и как семантически опустошенный, десемантизированный элемент – скреп, актуализирующий зону коммуникативного риска в языковой сфере. В то же время частичная семантическая опустошенность частицы *как бы* не является препятствием ее функционирования в речевой сфере как знака коммуникативно ориентированного, при помощи которого говорящий осуществляет «привязку» своего высказывания к речевой ситуации общения в координатах «я – здесь – сейчас».

Литература

1. Витгенштейн, Л. О достоверности / Л. Витгенштейн // Вопросы философии. – 1984. – №8. – С. 142-149.
2. Хинтиikka, Я. Логико-эпистемологические исследования / Я. Хинтиikka. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.
3. Целищев, В.В. Философские проблемы семантики возможных миров / В.В. Целищев. – Новосибирск: Наука, 1977. – 191 с.
4. Николаева, Т.М. Функции частиц в высказывании: На материале славянских языков / Т.М. Николаева. – М.: Наука, 1985. – 169 с.
5. Стародумова, Е.А. Русские частицы / Е.А. Стародумова. – Владивосток: Изд. ДГУ, 1997. – 68 с.